

PROJECT MUSE®

*В тени “Большого Брата”:
Западные национальные
меньшинства в СССР (1917–1938 гг.)*
(review)

Алексей ФИЛИТОВ

Ab Imperio, 4/2011, pp. 448-452 (Review)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0028>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467022>

Yet Ewing succeeds in revealing how the Soviet experiment in single-sex schooling rested on and reinforced longstanding perceptions of gender difference in the Soviet Union. In its careful examination of the vigorous public debate inspired by these separate schools, this study also offers fresh insight into the subtle and stark changes in postwar Soviet political culture. *Separate Schools* therefore promises to interest and enlighten specialists interested in Soviet education, late Stalinism, the onset of “the thaw,” and the practice of gender-segregated schooling more generally.

Алексей ФИЛИТОВ

Виктор Деннингхаус. В тени “Большого Брата”: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). Москва, РОССПЭН; Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2011. 727 с. Приложения, Указатель имен. ISBN: 978-5-8243-1535-6.

Российский читатель уже имел возможность познакомиться с творчеством немецкого историка В. Деннингхауса, в частности с его солидными монографиями о немецкой диаспоре в Москве и немцах Поволжья в начале XX века.¹ В своем новом труде он существенно расширил диапазон своих научных интересов: если ранее они концентрировались на проблемах немецкого этноса в России (причем в большей степени в применении к периоду до 1917 года), то теперь речь идет об исторических судьбах, по крайней мере семи “основных групп нацменьшинств Запада в СССР” (С. 699) – немцах, поляках, греках, эстонцах, финнах, латышах и латгальцах, литовцах. Трудно согласиться с рецензентами двух интернет-изданий, когда они утверждают, что Деннингхауса и ныне в его новой книге “по-

¹ В. Деннингхаус. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликты (1494–1941). Москва, 2004; Он же. Революция, реформа и война: немцы на Волге на закате Российской империи. Саратов, 2004.

настоящему” интересуют только российские немцы, а остальные национальные диаспоры, “поляки и прочие”, лишь “упоминаются”, их история освещается “отрывочно”.² Вероятно, такие оценки отражают издержки распространяемой в мировой паутине информации: она оперативна, но не всегда достаточно глубока.

Разумеется, было бы странно требовать, чтобы каждому из упомянутых выше этносов уделялась равная часть в тексте монографии – разные роли они играли в рамках советского государства, и разное внимание им уделялось со стороны властей. Но вот, положим, как раз о поляках, компактно проживавших на территории Украинской и Белорусской ССР, автор приводит немало нового и интересного материала, который во многом дополняет то, что уже было представлено его предшественниками (работы И. И. Костюшко, М. П. Костюка и др.). Отметим в этой связи, в частности, раздел монографии “К вопросу о ‘текучести’ и численности этнодисперсных групп” (С. 62-76). Там фиксируются

существенные противоречия в интересах и политических установках различных центральных и республиканских партийных и советских органов (Политбюро при ЦК ВКП(б), Центральная комиссия по делам нацменьшинств при ВУЦИК, Комиссия Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и др.). Результатом были сменяющие друг друга, а то и накладывающиеся друг на друга волны “украинизации”, “белоруссизации” и “полонизации”. Сюда добавлялись сложности национальной самоидентификации: к примеру, менее половины респондентов, заявивших о себе как о поляках, признала польский язык родным (см.: С. 74). Как следствие, данные о численности польского населения в СССР сильно колебались – от 3 млн до 790 тыс. (С. 68, 73). И это было лишь одно из обстоятельств, крайне осложнявших процесс принятия политических решений.

Характеризуя тематический диапазон рецензируемой монографии, следует отметить, что вынесенное в заглавие понятие “западные национальные мень-

² Рецензия Кристофера Гили (*Christopher Gilley*): <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2009-2-088> (последнее посещение 2.01.2012). Рецензия Клауса Стайнке (*Klaus Steinke*): <http://ifb.bsz-bw.de/bsz288579488rez-1.pdf?id=3015> (последнее посещение 2.01.2012). Рецензировалось немецкое издание этой книги, вышедшее в Мюнхене в 2009 г. (Victor Dönninghaus. *Minderheiten in Bedrängnis. Sowjetische Politik gegenüber Deutschen, Polen und anderen Diaspora-Nationalitäten 1917–1938*. München, 2009).

шинства” не носит узкогеографического характера; приводятся факты о снабжении учебниками эстонских, латышских, польских и еврейских школ в Енисейской губернии Сибири (С. 196), о политической обстановке в немецких селениях Казахстана (С. 240) и т.д. Другими словами, отдельные этносы исследуются не только по местам их компактного проживания, а в гораздо более широких территориальных рамках. Порой это приводит к некоторой фрагментарности изложения, но этот недостаток более чем окупается введением в оборот нового источникового материала и его концептуальным осмыслением.

Последний момент хотелось бы особенно подчеркнуть. “Архивная революция” в современной России привела некоторых историков к пренебрежению теоретической стороной исследования. Это никак не относится к рецензируемой работе. Автор начинает ее с обширной методологической главы (С. 32-76), где прослеживает эволюцию взглядов большевиков на национальный вопрос вообще и на вопрос о национальных меньшинствах в частности. Этому кругу вопросов много места уделяется и в последующих главах книги, где анализируется деятельность Наркомнаца и других государственных организаций, вовлеченных в

решение национальных проблем (Гл. 2, С. 77-301), а также и деятельность занимавшихся этими проблемами партийных структур (Гл. 3, С. 302-425). Речь идет не только о ситуации в партийных верхах (впрочем, автор высказывает немало свежих мыслей и относительно, казалось бы, давно изученной проблемы вклада Ленина и Сталина в марксистскую теорию и об их взаимоотношениях). Впервые читатель узнает о проектах и предложениях таких малоизвестных, но оставивших существенный след в деле национального строительства в СССР личностей, как А. И. Досов, А. Н. Мережин, С. М. Диманштейн и др.

Попытки претворить эти проекты и предложения в жизнь окончились неудачей; советскому руководству не удалось обеспечить лояльность рассматриваемых диаспор: так примерно Деннингхаус объясняет (но, конечно, не оправдывает) переход СССР на рубеже 1920–1930-х годов к новой фазе национальной политики – открыто репрессивной. Трагические события этого периода автор раскрывает в 4-й главе монографии (С. 426-628). При этом ему счастливо удастся избежать крайностей как просталинской апологетики, так и мифологии об этническом “геноциде”. Маховик репрессий, как показывает автор,

порой приостанавливался и даже начинал раскручиваться в обратном направлении. Постановление Политбюро от 1 декабря 1931 г., к примеру, осудило “извращения в проведении национальной политики партии” в УССР и БССР, которые выразились в массовом закрытии польских школ, ликвидации польских сельсоветов (С. 525). Жертвами развернутых позднее “национальных операций” НКВД становились по факту, причем в подавляющем большинстве, представители титульных наций – русских, украинцев, белорусов. Например, автор цитирует шифртелеграмму замнаркома внутренних дел Фриновского начальнику УНКВД по Свердловской области, в которой говорится, что “по румынской операции арестован всего один румын и одновременно 96 русских” (С. 622). Деннингхаус приводит (со ссылкой на исследование Н. В. Петрова и А. Б. Рогинского³) жуткие цифры осужденных и расстрелянных в ходе проведения “национальных операций” (соответственно 335.513 и 247.157 человек) и резюмирует: “Данные эти

далеко не исчерпывающие, однако и они достаточно характеризуют масштабы репрессий против представителей нацгрупп ‘враждебного капиталистического окружения’” (С. 624). Здесь уместно задать вопрос: почему эти данные считаются “не исчерпывающими” и насколько точно они отражают масштабы репрессий именно против нацменьшинств? Если в телеграмме Фриновского не идет речь об исключительном случае, то вовсе не отражают! Очевидно, многое еще в мотивах и практике “большого террора” требует дополнительного изучения.

Своему исследованию Деннингхаус предпослал весьма полный и сбалансированный очерк имеющейся историографии проблемы. Можно было бы лишь пожелать ему более подробно остановиться на монографии Т. Ю. Красовицкой, которая представляет собой, на наш взгляд, значительное достижение нашей науки,⁴ а также обратить внимание на труды молодых отечественных историков на тему, традиционно ему близкую – о российских немцах.⁵ В свою очередь, думается,

³ Н. В. Петров, А. Б. Рогинский. “Польская операция” НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. А. Гурьянов. Вып. 1. Москва, 1997. С. 32–33.

⁴ Т. Ю. Красовицкая. Модернизация России. Национально-культурная политика 20-х годов. Москва, 1998.

⁵ См., в частности, диссертации на соискание степени кандидата исторических наук: В. С. Мозговая. Этнические немцы СССР как фактор советско-германских

ни один будущий историк национального вопроса в СССР не сможет обойтись без упоминания и использования в своих исследованиях рецензируемой монографии. Хотелось бы надеяться, что большая административная нагрузка (В. Деннингхаус является заместителем директора Германского исторического института в Москве) не помешает ему продолжить серию столь удачных работ и соответственно еще больше обогатить наше знание о столь жгучих и сложных проблемах истории и современности.

отношений. Саратов, 2004; М. В. Корнилова. Немецкие поселения на Северном Кавказе. Владикавказ, 2006; С. Н. Коротун. Немецкие поселения на территории Воронежского края (1776–1941). Воронеж, 2008.

Eren TASAR

Michael Kemper, Raoul Motika, and Stefan Reichmuth (Eds.), *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States* (London and New York: Routledge, 2010). ix + 366 pp. Index. ISBN: 978-0-415-36815-5.

Specialists on Islam within the Muslim cultural spaces of the former Soviet Union, as well as students of Russian, Soviet, and comparative Islamic history, will welcome the appearance of this timely and empirically rigorous volume concerning the fate of traditional forms of organized Islamic education over the past century. This book constitutes the first comprehensive, comparative study of the topic across the Soviet space. It is also noteworthy for bringing together some of the region's most active researchers: the authors' ranks include several prominent Islamicists, and all have spent the entirety, or significant portions of their careers in the respective republics discussed in their articles. Unsurprisingly, the contributions reflect intimate knowledge of hitherto unavailable source materials, both written and oral. The six articles focus on Islamic education from the late Russian Empire through the present day in two regions of Russia (Tatarstan and Daghestan), Ukraine, Uzbekistan, Kazakhstan,